

Российская академия наук
Институт мировой экономики
и международных отношений

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

№ 9 2012 Сентябрь

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор
А.В. Рябов

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов, В.Г. Барановский, Ю.А. Борко, Ф.Г. Войтоловский, А.А. Дынкин,
В.С. Загашвили, Н.В. Загладин, Н.И. Иванова, Р.И. Капелюшников, Э.В. Кириченко,
И.С. Королев, Н.А. Косолапов, Ю.Б. Кочеврин, Ю.А. Красин, В.И. Марцинкевич,
В.П. Оболенский, Г.Ю. Ознобичева (и.о. заместителя главного редактора),
А.В. Рябов, А.В. Торкунов, В.Г. Хорос,
С.В. Чебанов (заместитель главного редактора), С.В. Чугров

Заведующая редакцией Е.Е. Рубцова

Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83

Электронная почта: memojournal@mail.ru, memojournal@imemo.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редакция журнала "Мировая экономика
и международные отношения" (составитель),
2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 9, 2012

Ученый совет ИМЭМО РАН

Трансформация государственной научной политики 3

Экономика, экономическая теория

Либерализм и регулирование финансового рынка
В. Миловидов 20
Эволюция развитой экономики: факторы и механизмы
Е. Островская 31

Европа: новые реалии

Эволюция торговой политики Европейского союза (окончание)
М. Стрежнева 42
"Восточная политика" Германии: экспертные оценки и политические перспективы
А. Девятков, А. Макарычев 52
Польско-германский тандем в меняющейся Европе
Д. Офицеров-Бельский 61
Новые подходы к финансированию инфраструктуры в Великобритании
В. Варнавский 67

Миграции в современном мире

Президентские выборы во Франции и России: проблемы иммиграции и идентичности
Я. Стрельцова 75

США: политика и общество

Лоббизм мусульманских стран в США
С. Костяев 90

Научная жизнь

Россия и ее соседи: духовные и общественные проблемы
Е. Раиковский 100

Вокруг книг

Преодоление "советской модели" и стратегия развития России-XXI
В. Марцинкевич 112
Евроинтегральное миротворчество: акции, потенциалы, системность
Л. Истягин 124



Библиотека
НИУ ВШЭ - Пермь

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЙ ТАНДЕМ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЕ

© 2012 г. Д. Офицеров-Бельский

Экономический кризис обострил многие прежние проблемы европейской интеграции и породил массу новых, самой серьезной из которых стала фактическая потеря ориентиров дальнейшего сближения. Прежде внутренняя рассогласованность Евросоюза приводила просто к откладыванию проблем в “долгий ящик”, а их накопление существенно не влияло на благополучие отдельных государств. Кризис показал в первую очередь, что неопределенность сама по себе гораздо более пагубна, чем глубокая интеграция или размежевание. Однако необходимость выбора между этими двумя вариантами действий только обострила и без того явную нерешительность европейских правительств. Вопрос, “как дальше быть с Европой”, даже вылился в уличные акции, но и там не получил определенного ответа. Нерешительность в целом понятна – перед политиками сейчас предстают те же риски, что и в прошлом, но многократно помноженные на кризис.

Вопрос реформирования ЕС назревал долго. Тем не менее выступление польского министра иностранных дел Р. Сикорского 29 ноября 2011 г. на Берлинском форуме по внешней политике прозвучало, как гром среди ясного неба. К самому завершению польского председательства в ЕС Р. Сикорский сделал заявление, которого мало кто ждал от Польши. Эта страна, будучи всегда нелегким партнером для остальных членов ЕС и нередко требовавшая для себя особых условий и привилегий, теперь сама заявила о необходимости отказа для стран ЕС от части своего суверенитета в пользу институтов ЕС и скорейшем превращении Евросоюза в подобие Соединенных Штатов Европы. Опережая вопросы о том, что подобное развитие событий неизбежно приведет к германской гегемонии, Р. Сикорский сам пояснил, что считает наибольшей угрозой для безопасности и процветания Польши не терроризм, не российские ракеты и не немецкие танки, а возможный крах еврозоны. “Я требую от Германии, – сказал Р. Сикорский, – чтобы она, ради вашей и нашей общей пользы, помогла еврозоне выжить и процветать. Вы знаете, что никто другой не сможет

этого сделать. Наверное, я буду первым в истории министром иностранных дел Польши, который это скажет: Я начинаю меньше бояться немецкой мощи, чем немецкого бездействия”¹.

Речь Р. Сикорского сразу же была подвергнута острой критике в собственной стране. Лидер парламентской оппозиции Я. Качиньский даже инициировал голосование в Сейме о вотуме недоверия министру иностранных дел, а также собрал противников прогерманской ориентации на уличном митинге. Основные подвергнутые критике заявления министра были сделаны не на его выступлении, а во время ответов на вопросы, которые, разумеется, не были согласованы с премьер-министром или президентом. Поэтому оба они после выступления Р. Сикорского заняли выжидательную позицию и не сразу решились комментировать его слова. Достаточно уклончиво прокомментировал выступление министра иностранных дел пресс-секретарь польского правительства П. Грац, заявивший, что его содержание было согласовано в целом, но не во всех деталях, и вообще носило неформальный характер и не отражает позицию правительства². Президент Польши Б. Коморовский, который на тот момент находился с визитом в Киеве, по всей видимости, вообще был застигнут врасплох выступлением Р. Сикорского и заметил, что подобного рода заявлениям должна предшествовать дискуссия внутри страны³. Впоследствии премьер-министр Д. Туск, выступая 14 декабря в Европарламенте по случаю окончания шестимесячного председательства Польши в ЕС, смягчил прогерманскую позицию министра иностранных дел, заявив, что “лидерство в ЕС не может быть лидерством од-

¹ http://www.msz.gov.pl/files/docs/komunikaty/20111128_BERLIN/radoslaw_sikorski_polska_a_przyszlosc_ue.pdf

² В пояснениях журналистам П. Грац сказал следующее: “Не до каждой запятой, однако не только с господином премьером, но и с другими польскими политиками господин министр Сикорский говорил об этом прежде вполне определенно. Это выступление было сделано после консультаций, скажем так.” (Graś: przemówienie Sikorskiego było konsultowane z Tuskiem // Wprost. 12.01.2011 (<http://www.wprost.pl/ar/281364/Gras-przemowienie-Sikorskiego-bylo-konsultowane-z-Tuskiem/>)).

³ См.: Prezydent: Zabrakło dyskusji przed wystąpieniem Sikorskiego // Rzeczpospolita. 30.11.2011 (<http://www.rp.pl/artukul/762403.html?print=tak&p=0>).

ОФИЦЕРОВ-БЕЛЬСКИЙ Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ (Пермь) (DmitriyBelskiy@gmail.com).

ной, двух или трех стран, даже самых сильных. Это должно быть лидерство, основанное на европейских институтах⁴.

Несмотря на то что Варшава всегда демонстрировала альтернативное видение европейских интересов, которое зачастую небезосновательно принимали за евроскепсис, в последние годы все более заметной стала тенденция к сближению общеевропейских и польских национальных интересов. Окончательной гармонии последних удалось достичь в период председательства Польши в ЕС, к которому она пришла с полноценной программой. Задачи включали в себя такие аспекты европейской политики как дальнейшая интеграция, политика соседства и энергетическая безопасность.

Корреляция между европейскими и польскими интересами такова, что в вопросе продолжения и углубления интеграции ЕС между Брюсселем и Варшавой в настоящее время практически не осталось противоречий, которых было немало прежде, в период президентства Л. Качиньского. Более того, польские политики зачастую идут вперед изменений, требуя ускорения процесса интеграции. Интерес Польши, каким его видит кабинет Д. Туска, состоит в том, чтобы не допустить начала европейской дезинтеграции и не остаться на периферии Европы слабым игроком, зажатым между Германией и Россией. Выбор Польши, сделанный в пользу ускорения процессов европейской интеграции, достаточно хорошо показывает, что дела с интеграцией обстоят не самым лучшим образом.

Другой дилеммой интеграции становится фактически обозначившийся выбор между регионализацией европейского политического пространства и центристским движением стран, пытающихся обрести устойчивость при поддержке ключевых европейских держав. Выражением последней тенденции и стала вышеупомянутая речь Р. Сикорского. Интерес Польши представляется двояким. С одной стороны, польская дипломатия сама всячески стимулировала процессы регионализации, по крайней мере, в восточной части Европы, и прежде активно сопротивлялась "германской гегемонии" и "диктату Брюсселя". С другой стороны, именно польские политики всегда настаивали на консолидированной позиции европейских стран в вопросах восточной политики, обороны и энергетической безопасности.

⁴ Туск: "Евросоюз — на краю пропасти" // EuroNews, 14.12.2011 (<http://ru.euronews.net/2011/12/14/eu-presidency-slams-euroceptic-britain/>).

В нынешней кризисной ситуации процесс регионализации приобретает деструктивные черты: Франция и Германия по большому числу вопросов находят между собой общий язык, но не с другими своими соседями; Британия старается дистанцироваться от европейских проблем и опасается германского превосходства; Южная Европа постепенно превращается в аутсайдеров и реципиентов помощи, тогда как Восточная Европа получает возможность выбирать между изоляцией и сближением с европейскими лидерами на правах неполноценного партнерства. Такая форма регионализации не несет для Польши позитивных эффектов, что побуждает ее дипломатию активнее бороться за укрепление регулирующих прерогатив европейских институтов, а также за расширение вовлеченности Германии в общий интеграционный процесс.

С победой Б. Коморовского на президентских выборах 2010 г. началось оживление отношений Польши с Францией и Германией. Имевшее место охлаждение сотрудничества связывают с политикой прежнего президента Л. Качиньского, борвшегося за интересы страны весьма своеобразно. Он неоднократно высказывал мысль, что формат "Веймарского треугольника" устарел, хотя на самом деле просто не пытался соблюдать баланс в отношениях с США и европейскими державами.

Нынешнее руководство Польши рассматривает альянс с Берлином как инструмент более успешной европейской политики, хотя именно на этом направлении он принес наименьшие результаты. Поддержка Германии обернулась для правительства Д. Туска лишь ответными комплиментами из уст федерального канцлера и сильной критикой оппозиции на родине. Польскому премьеру даже пришлось заявить, что "нельзя оставлять Европу Парижу и Берлину"⁵.

Гораздо более результативным, с точки зрения интересов Польши, стало сотрудничество с Германией на восточном направлении. Здесь оно решает целый ряд проблем. Первая состоит в том, что польскую дипломатию на постсоветском пространстве не воспринимает в полной мере всерьез, и определяющую роль в контактах с Европой отводят Германии⁶. В то же время Германия стре-

⁵ Donald Tusk dla "Corriere della Sera": nie można zostawić Europy Paryżowi i Berlinowi // Gazeta Wyborcza, 19.01.2012 (http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114873,10991824,Donald_Tusk_dla_Corriere_della_Sera_nie_mozna_zostawic.html).

⁶ Директор русских программ Финского Института международных отношений Аркадий Моше полагает, что Германия играет ключевую роль в выработке политики Евросоюза в отношении восточноевропейских соседей: "Речь идет о

мит к руководству, а не к монополизации восточной политики ЕС, что и побуждает немецких дипломатов к более активному сотрудничеству с Францией, Польшей и рядом других стран. Другая проблема польской восточной политики связана с форматом "Восточного партнерства" — программы, инициатором которой была сама польская дипломатия. Реализация программы привела к тому, что произошло фактическое разделение политики в отношении России и прочих стран постсоветского пространства. При этом польская дипломатия фактически утратила любые возможности инициативы в отношении ЕС и России, заняв менее привлекательную политическую нишу куратора демократического процесса в Белоруссии, Украине и ряде других стран. Польская оппозиция рассматривает это как большую политическую ошибку, обвиняя в недалекости кабинета Д. Туска и персонально министра Р. Сикорского. Сближение с германской политикой на восточном направлении должно восстановить цельность польской политики на постсоветском пространстве.

Сотрудничество польской и германской дипломатий идет как в двустороннем режиме, так и в расширенном, с участием Франции. Возрождающийся сейчас формат "Веймарского треугольника", по сути, представляет собой попытку влить новое вино в старые мехи и служит теперь задачам выработки общей линии в вопросах внешней политики и безопасности. Эта тематика преобладает на совещаниях стран "Веймарского треугольника", но явно второстепенна по отношению к более актуальным сейчас экономическим проблемам. Считать "Веймарский треугольник" полноценным тройственным сотрудничеством вряд ли можно, правильнее вести речь о двух парах сотрудничества — франко-германской и германо-польской. В первом случае сотрудничество охватывает наиболее дискуссионные в настоящее время вопросы — прежде всего европейской экономической политики; во втором случае отношения построены вокруг менее острых вопросов внешних связей, безопасности и энергетики. "Веймарский треугольник" обрел новые грани политического сотрудничества, но перспективы его дальнейшего углубления очень сомнительны. Лимиты консенсуса уже в целом определены и исчерпаны, а вероятность нараста-

ет, что необязательно притаться за спинами тех стран, которые действительно имеют особые интересы в регионе, есть смысл вывести на арену европейского тяжеловеса" (Вестервелье и Сикорский пытаются донести до Лукашенко послание Евросоюза // Deutsche Welle, 01.11.2010 (<http://www.dw-world.de/dw/article/0,6180143,00.html>)).

ния противоречий очень велика. Наиболее вероятно возможность раскола со стороны Франции.

После победы Ф. Оланда на президентских выборах во Франции "Веймарское согласие" уже не будет прежним. Проблема состоит в очень разном видении методов борьбы с экономическим кризисом, отношений с США и существенном различии в подходах к выстраиванию отношений в ЕС. Французские политики по многим вопросам занимают более жесткую позицию, тогда как целью германской дипломатии является минимизация возможных опасений, связанных с ее лидерством. При этом у Германии сейчас очень мало реальных возможностей влиять на Францию, особенно после поражения христианских демократов в региональных выборах в Рейн-Вестфалии, что ставит под сомнение сохранение поста канцлера за А. Меркель в 2013 г. Поэтому, несмотря на очевидные политические и экономические преимущества, германская дипломатия зачастую не решает пускать их в ход и оказывает давление на партнеров, в первую очередь — Францию.

Напряжение во франко-польских отношениях можно было заметить еще в период председательства Польши в ЕС. В частности, Польша встретила активное сопротивление французской дипломатии в вопросе участия в заседаниях стран еврозоны, и подписание бюджетного пакта в январе 2012 г. могло вообще не состояться. Польскую позицию тогда поддержала Германия, впрочем, не очень активно.

Несмотря на то что между Польшей и Германией по многим направлениям найдены точки соприкосновения, в перспективе неизбежны расхождения в позициях и этих стран. Со стороны Польши уже слышны требования о необходимости значительного увеличения финансирования европейской внешней политики и программ в сфере безопасности. По умолчанию предполагается, что основное бремя затрат должно лечь на Германию, к чему кабинет А. Меркель совершенно не готов. Вопрос финансирования вскоре станет особенно актуальным по причине прогнозируемого сокращения американских расходов на европейскую безопасность.

После публикации новой военной доктрины администрации Б. Обамы стала очевидна тенденция к смене формата сотрудничества США и ЕС в сфере безопасности, что выражается в планах по сокращению непосредственного военного присутствия американских сил в Европе. Более существенную роль в европейской оборонной политике должна играть Германия, о чем свидетельствует в частности то, что управление комплексами ЕвроПРО, по всей видимости, бу-

дет осуществляться с военной базы Рамштайн⁷. Неслучайно накануне Мюнхенской конференции по безопасности, проходившей в феврале 2012 г., основными выступателями по вопросам ПРО были именно германские представители. При администрации Б. Обамы произошла смена вектора, которая выдвинула на первый план "старую Европу" и в какой-то мере вызвала потерю интереса к партнерам из Восточной Европы. Это обстоятельство вынуждает польских политиков стремиться к актуализации своей роли (чему способствует политическая нестабильность на постсоветском пространстве), а также искать сближения с европейскими лидерами, прямыми к остову Евросоюза в качестве европейской мини-державы.

В обозначившемся консенсусе США и европейских держав по проблемам безопасности польская дипломатия стремится участвовать на равных. Стратегия Польши выстраивается на принципах включения в орбиту их интересов, но также на втягивании их внешнеполитических ресурсов в сферу своих национальных интересов. Вопросы безопасности вызывают наименьшие расхождения как между США и европейскими странами, так и между странами "Веймарского треугольника". Консенсус явно прослеживается в совместной политической активности польской и германской дипломатии на постсоветском пространстве, что раньше было сложно представить. Пока Польше не удается выйти из роли регионального партнера великих держав, хотя тенденции к более значительному международному позиционированию страны уже есть.

Новым в последние годы стал многосторонний формат встреч с участием представителей "Веймарской тройки" и других стран. В апреле 2010 г. на встрече министров иностранных дел "Веймарского треугольника" в Бонне были приглашены представители Украины. А вскоре, 23 июня 2010 г., в Париже прошла встреча с участием главы российской дипломатии С. Лаврова, на которой обсуждался широкий спектр вопросов: от положения в Афганистане и Киргизии до возможности безвизового режима для жителей Калининградской области и приграничных районов Польши.

Примером сотрудничества польской и германской дипломатии на восточном направлении стала встреча министров иностранных дел С. Лаврова,

Г. Вестервелле и Р. Сикорского в Калининграде в мае 2011 г., где были продолжены переговоры о введении "ограниченного" безвизового режима, а также обсуждались вопросы сотрудничества Российской Федерации с НАТО и ЕС. Эту встречу можно рассматривать как отработку нового трехстороннего формата общения министров иностранных дел. По заверениям Г. Вестервелле, трехсторонние переговоры глав МИД России, Германии и Польши будут проходить на регулярной основе⁸. Следующая встреча состоялась в Берлине 21 марта 2012 г., и хотя прежде было заявлено, что на ней будут рассматриваться вопросы общей истории трех народов, основное внимание было уделено актуальным проблемам⁹. Главной темой стало положение в Сирии, что несколько повысило международный статус польской дипломатии, так как она была вовлечена в обсуждение вопросов, относящихся больше к компетенции держав.

Для российской дипломатии участие в многосторонних встречах с европейскими представителями нарушает традиционную тактику выстраивания двусторонних отношений с одними государствами и игнорирования других. К числу первых всегда относилась Германия, а к последним – Польша. Трехсторонний формат в определенной мере позволяет говорить с Россией от лица единой Европы, что отчасти компенсирует переговорную слабость европейских институтов и отдельных стран. Однако вряд ли стоит рассчитывать на то, что российская дипломатия согласится обсуждать в трехстороннем формате действительно важные вопросы, тем более относившиеся к общеевропейским интересам.

Со второй половины 2011 г. отношения России с европейскими партнерами и США стали гораздо более напряженными, на что повлияло продвижение в планах США по ПРО в Европе и критика антидемократических тенденций в России. Демонстративным жестом стало направленное 8 ноября 2011 г. совместное открытое письмо Г. Вестервелле и Р. Сикорского верховному представителю ЕС по внешней политике и безопасности К. Эштон, посвященное отношениям с Россией. Министры признали, что "между ЕС и Россией сохраняются разногласия" и подвергли критике современные тенденции российской политики.

⁸ См.: Переговоры глав МИД РФ, ФРГ и Польши будут проходить регулярно – Вестервелле // Trend. 21.05.2011 (<http://www.trend.az/regions/world/europe/1879828.html>).

⁹ См.: Главные МИД России, ФРГ и Польши обсуждают общую историю // Взгляд. 20.01.2012 (<http://vz.ru/news/2012/1/20/555273.html>).

подчеркивая недопустимость пренебрежения европейскими ценностями в отношениях с Москвой. Вместе с тем была отмечена необходимость преодоления политической и экономической латаргии в отношениях России и ЕС¹⁰. В послании говорилось, что Евросоюз должен и впредь оказывать России поддержку в деле модернизации экономики, социальной и политической системы. В ответ ожидается, что Россия будет "надежным партнером на политической и экономической сцене Европы", а в военной сфере откажется от угроз и будет уважать основные принципы ООН, ОБСЕ и Совета Европы. Министры предложили сделать отношения с Москвой главным пунктом повестки дня следующей неформальной встречи глав МИД стран ЕС. Она состоялась 11 марта 2012 г. в Копенгагене и вопрос о новой стратегии взаимоотношений, если судить по публичным заявлениям, на ней не поднимался. Впрочем, несколько позже, 14 мая 2012 г., тема получила развитие на заседании Совета ЕС в Брюсселе. Однако вряд ли на этой встрече обсуждалась именно стратегия взаимоотношений с Россией. Скорее, речь могла идти о "сверхе часов" накануне саммита ЕС–Россия, состоявшегося 3–4 июня 2012 г. в Санкт-Петербурге.

В письме, наряду с отмеченной необходимостью разработки новой стратегии ЕС в отношении России, одновременно сообщалось, что штабы планирования внешнеполитических ведомств Германии и Польши уже разработали концепцию стратегического партнерства. Оба заявления вызывают недоумение, так как заведомо ставят прочие европейские страны в положение, при котором они попросту должны присоединиться к предложениям Берлина и Варшавы.

Хотя с момента публикации письма прошло уже достаточно времени, содержание этой концепции до сих пор не прояснилось. Возможно, ее нет вообще, но в любом случае синхронность и общая направленность действий польской и германской дипломатии является беспрецедентной. По существу, это ответ на сформировавшееся требование консолидации европейской политики. С одной стороны, данными вопросами ведет Верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности К. Эштон. С другой стороны, складывается консенсус, в центре которого находятся три страны "Веймарского треугольника", пытающиеся активизировать деятельность

К. Эштон, считая ее малоэффективной. Примером этой практики являются послания главе европейской дипломатии (К. Эштон) от 6 декабря 2010 г. и от 2 сентября 2011 г.

Первое такое послание, подписанное министрами иностранных дел и министрами обороны стран "Веймарского треугольника", содержало требование принятия мер по усилению структур ЕС, занимающихся планированием в сфере безопасности¹¹. В частности, министры писали о необходимости создания общего военного руководства ЕС и необходимости углубления сотрудничества между ЕС и НАТО. Кроме того, было заявлено, что в первой половине 2013 г. начнет действовать совместное военное подразделение трех стран. В идеале "Веймарская тройка" стремится к формированию единого оперативного командования ЕС, однако против этих планов выступает Великобритания: в Лондоне считают, что создание силовых европейских структур – это бесполезное дублирование функций НАТО.

Складывающийся тройственный консенсус имеет определенную поддержку и среди других европейских стран. В частности, следующее послание от 2 сентября 2011 г. было подписано также министрами иностранных дел Испании и Италии во время проходившего в польском Сопоте неформального саммита глав МИД Европейского союза. В нем содержались замечания о необходимости активизации работы в сфере европейской безопасности. Интересно, что комментировавший документ министр Р. Сикорский напрямую связал проблемы европейской безопасности и интеграции: "Это продолжение усилий Польши, направленных на увеличение значения вопросов обороны для европейской интеграции"¹².

В нынешнем институциональном состоянии и, как полагают критики, при нынешнем руководстве Комитета по внешней политике и безопасности К. Эштон, выработка основ общеевропейского политического курса считается труднодостижимой. Неспособность повлиять на противоречия между европейскими державами наглядно проявилась в дискуссии о военной операции в Ливии, против которой выступала Германия, но которую поддерживала Франция. Позже, во время обсуждения вопроса о санкциях в отношении Сирии неспо-

¹¹ См.: Polska, Niemcy i Francja: nadajmy Unii impet // Rzeczpospolita. 13.12.2010 (http://www.rp.plartykul/118801_578164.html).

¹² Испания и Италия поддержали идею укрепления европейской системы обороны // Вести. 03.09.2011 (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=557561>).

⁷ Информация об этом была "вброшена" в прессу накануне Мюнхенской конференции. Источники информации не был назван, но есть все основания полагать, что таким образом Запад решил дать понять Москве свою позицию по ПРО.

способность к налаживанию компромисса вновь проявила себя, когда жесткая позиция Франции натолкнулась на сопротивление Испании и Италии.

Несмотря на давнее и общее недовольство главой европейской дипломатии, открытой критики в адрес К. Эштон до последнего времени не было, хотя разговоры о ее скорой отставке ходили еще с начала 2010 г.¹³ Нападки в конце 2011 г., по всей видимости, следует связывать с активной антиинтеграционной позицией британского премьера Д. Кэмерона, вызвавшей раздражение в континентальной Европе. 23 декабря 2011 г. британская *Telegraph* опубликовала выдержки из конфиденциального письма (датированного 8 декабря 2011 г.), в котором подвергалась критике деятельность К. Эштон и ее Комитета¹⁴. Это письмо, по сообщению газеты, было подписано министрами иностранных дел 12 стран Европы – Германии, Франции, Польши, Швеции, Италии, Литвы, Латвии, Эстонии, Люксембурга, Нидерландов, Бельгии, Финляндии. Содержание критики было следующим: плохая подготовка встреч министров иностранных дел, неудовлетворительная кооперация с посольствами европейских стран за рубежом, отсутствие необходимой инфраструктуры и, прежде всего, защищенных линий связи. Д. Ван Ордэн, британский евродепутат от консервативной партии, выразил беспокойство относительно содержащегося в письме требования о введении института атташе по обороне и безопасности: “Помимо всех разговоров о финансовой унии, это наибольшая узурпация национальных прерогатив и суверенитета”¹⁵.

Европейский консенсус еще недавно рассматривался не столько как инструмент, сколько как одна из основополагающих ценностей интеграции, которой зачастую приносилось в жертву качество принимаемых решений. Его важность по-прежнему осознается в решении проблем экономики еврозоны, но стремительно падает во всех прочих вопросах. В настоящий момент будущее ЕС можно описать двумя альтернативами. Первая состоит в укреплении роли институтов

ЕС и перераспределении власти между европейскими странами, в результате чего Германия и в определенной мере Франция смогут претендовать на доминирующие позиции в регионе. Второй вариант – двухскоростное развитие ЕС или даже дезинтеграция. Эти сценарии противоречат друг другу только на первый взгляд. Общая для двух вариантов тенденция заключается в высвобождении политического потенциала, скованного прежде прибрететом внутриевропейского консенсуса.

Польско-германский тандем наглядно демонстрирует, что в современной меняющейся Европе все большее значение приобретают двусторонние отношения. Эти трансформации могут быть прологом к дезинтеграции, но также могут быть началом формирования новых иерархических связей в ЕС. Сейчас Германия стоит на пороге европейской гегемонии. С этим согласно большинство правительств, несмотря на извечные опасения относительно германской политики. Правительство А. Меркель не торопит процесс смены принципов интеграции, осознавая, что сопротивление германской политике в ЕС будет просто отложено до окончания экономического кризиса. Поэтому по мере смены политической роли в Европе германская дипломатия старательно диверсифицирует свои внешнеполитические связи, стараясь наладить контакт как с Францией, так и с США, странами Восточной и Южной Европы, а также ближайшими соседями ЕС.

Перспективы польской и германской политики в ЕС и за пределами союза становятся все сильнее взаимосвязанными. Степень интеграции в Европе во многих сферах различается. Там, где степень регулирования достаточно высока, – как, например, в деятельности Евроцентробанка, а зачастую и Еврокомиссии, – институты ЕС фактически действуют в интересах Германии. Если Евросоюз пойдет по пути большей интеграции, то та же модель может быть повторена и усилена, а могут быть созданы механизмы сдерживания гегемонии, которые станут серьезным вызовом для дальнейшей интеграции. При любом из этих сценариев Польша останется важным для Германии партнером, который в свою очередь попытается благодаря Берлину реализовать свой европейский и региональный потенциал.

Ключевые слова: польско-германский тандем, Европейский союз, европейская интеграция, европейский консенсус.

¹³ См.: Szefowa unijnej dyplomacji może ustąpić? // *Gazeta Wyborcza*. 01.05. 2010 (http://wyborcza.pl/1,96910,7835255,Szefowa_unijnej_dyplomacji_moz_e_ustapic_.html).

¹⁴ См.: Baroness Ashton's Diplomatic Service Accused of Basic Failings // *Telegraph*. 23.12.2011. (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/8975866/Baroness-Ashtons-diplomatic-service-accused-of-basic-failings.html>).

¹⁵ Там же.